

Бельский А.В.

ЕДИНОВЕРЧЕСТВО И ЕДИНОВЕРЧЕСКИЙ КОРСУНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ИСТОРИЯ И ЛИЦА.

История возникновения и становления единоверчества – течения в старообрядчестве, тесно связана с учреждением Корсунского монастыря и его деятельностью в конце XVIII – первой половине XIX веков. В его судьбе, словно в капле воды, отразилась и собственно судьба указанного толка, самая мощная и многочисленная, единственная из неправительственных христианских церквей, безоговорочно поддерживаемых государством в течение 120 лет. На территории Украины, или, как тогда называли, “Юго-Западного края”, единоверчество численно и качественно превосходило остальные толки старообрядчества вместе взятые, как правило, в несколько раз. То же относилось и к Таврической губернии, где было разрешено исповедание различных раскольничьих толков. Между тем в составе населения юга Украины и ныне встречаются аналогичные анклавные и центры верующих, что придаёт особую актуальность рассматриваемой теме.

Вопрос оказался недостаточно изученным не только в XIX, но и в XX в. Современные исследователи относят основание единоверчества к инициативам старообрядческого инока Никодима, графа Григория Потёмкина и Екатерины II: “Ещё в 1783 г. стародубские раскольники во главе с иноком Никодимом выразили желание воссоединиться с православной церковью”,¹ “Никодим подготовил и передал в апреле 1783 года в Святейший Синод и графу Потёмкину прошение от полутора тысяч старообрядцев...”,² или митрополита Платона Московского: “Единоверие было основано в конце 1800 г., начало своё получило в Москве. В 1799 г. небольшая часть московских старообрядцев обратилась с прошением к московскому митрополиту Платону дозволить им иметь свои храмы и священников от новообрядческой церкви”,³ “Единоверие получило своё название от митрополита московского Платона”.⁴ Действительно, обе описываемые попытки завершились изданием указов Екатерины II от 26 августа 1785 г. и Павла I от 27 октября 1800 г.

Между тем проведённые нами исследования дают право говорить об ином времени и регионе, а также о других исторических лицах – основателях.

После заключения в 1686 г. “Вечного мира” между Московским царством и Речью Посполитой возникла необходимость раздела земель Украины для каждой из стран – победительниц. По личной просьбе папы римского католическая Польша отдала Киев с округой под управление России, но территории на юг от Тясьмина были объявлены “барьерными землями”. Однако ввиду окончательного перехода Петра I в антитурецкую коалицию европейских держав, его побед и восстания покорённых украинцев на Правобережье, в 1705 г. произошло окончательное разграничение между двумя державами. Теперь барьерные земли Правобережья, как “заднепровские”, оказались во владении Миргородского и Полтавского полков Области Войска Запорожского или Украины, находящейся под протекторатом Московского государства.⁵

Неудачный “Прутский поход” 1711 г. осложнил положение Петра I, что привело к потере его интереса к Заднепровью. В создавшейся ситуации в 1710 – 1720 – х годах здесь активно расселяются польские подданные, в том числе раскольники из района Ветки (ныне Гомельская область Беларуси). Это обуславливалось известным институтом права на свободу совести в Польше, господствовавшим после изгнания ордена иезуитов, а также размещавшимися здесь подразделениями польских жовниров и казаков, прикрывавших население от набегов турок и татар. Раскольники образовали ряд поселений и пригородов, среди которых: Табурище, Ануфриевка, Цибулеве, Крылов, Федирки, Скубеев, Глинское, Уховка, Коваливка и другие (возможно, тогда же и слободу Злынку, которую основали, как считают, селяне-старообрядцы, выходцы из посада Злынка Новозыбковского повета Черниговской губернии). Но их поселения возникали, по-видимому, и ранее, в XVII ст.: “Ще у 80-х рр. На березі Тясьмину, напроти польського Крилова виникла слобода російських розкольників, що втекли від переслідування”.⁶

Однако Россия весьма ревниво отнеслась к факту ползучей аннексии. В 1732 – 1734 гг. российские войска изгнали военные подразделения и польских подданных с данных земель. Одновременно в 1735 г. по приглашению Анны Иоанновны “домой” была проведена под руководством полковника Я. Г. Сытина 1-я военная “выгонка” раскольников с Ветки на территорию России, в Стародубье и другие места. В 1735 – 1739 гг. войска Анны Иоанновны буквально раздавили Крымское Ханство, что на 30 лет остановило его набеги. Последствия “Прутского похода” были преодолены и закреплены Белградским миром 1739 г.⁷

Сложившаяся обстановка поставила раскольников перед необходимостью переселения из прежних мест проживания на новые земли. Таковые оказались на стыке польских, российских и турецких владений. При открытии Новой Сербии и Новослободского казачьего войска мы встречаем раскольников как самых активных колонистов. Многие поселились в центре Новой Сербии – крепости и форштадте Елисаветграда (основание города и крепости Святой Елизаветы по именному указу Елизаветы Петровны от 11.01.1752 г. были заложены ген. Глебовым лишь 18.06.1754 г.). Жители столицы и 13 слобод (Злынка, Клинец, Калиновка, Красный Яр, Знаменка, Плоское, Николаевка, Покровская, Зыбка, Золотарёвка и др.), возникших в Сербии, были подчинены коменданту крепости, бригадному генералу А. И. Глебову (1754 – 1760), через его помощника, секунд-майора Черникова. Благоприятные условия вызвали такой приток раскольников на Правобережье, что это стало определяющим фактором российской политики на Юго-Западе России. Попытка церковных властей провести репрессивные меры в 1770-е гг. (Архиепископ Евгений Булгарис) натолкнулась на противодействие администрации Новороссийского края и высших властей

России (Г. Потёмкин, И. Хорват и другие).⁸

Ещё 30 декабря 1767 г. поступил рапорт на имя Елисаветградской провинциальной канцелярии об уничтожении раскольничьего скита, бывшего в лесу Чуте, и о “разослании бывших там раскольников по слободам”.⁹ Такие действия могли привести к снижению популярности вновь осваиваемых регионов. В. М. Кабузан в своих исследованиях показал, что всплеск переселения русских раскольников в Елисаветградскую провинцию пришёлся на 1763–1765 гг.: 11474 человек. Затем количество новосёлов резко сократилось и к концу года почти сошло на нет. За 1766–1767 гг. он не обнаружил новых переселений. И лишь в 1768–1769 гг. наблюдается последняя, гораздо более слабая волна переселенческого движения. Но с этим совпало и другое событие: набег в январе 1769 г. крымских татар, разоривших ряд поселений и уведших в полон тысячи раскольников.¹⁰

Предполагая расширение российской церковной юрисдикции дальше на юг, а может быть, планируя будущую аннексию Крыма, Екатерина II искала подходящего пастыря для российского и грекоязычного населения. Таковым оказался греко-болгарский учёный Елевферий Булгарис. 30 августа 1775 г. он был посвящён во иеромонаха и пресвитера. Указом от 9 сентября 1775 г. была образована новая архиепископия Славянская и Херсониса Таврического, по чести сразу после Тверской, а о. Елевферий был возведен во её архиепископа. 1 октября 1775 г. в Москве, в Греческом Никольском монастыре, в присутствии Екатерины II и экс-патриарха Серафима Анин синодальные члены: Платон, архиепископ Московский и Калужский, Иннокентий, архиепископ Псковский и Рижский, и Самуил, епископ Крутицкий и Можайский, рукоположили его прямо во архиепископа с наречением имени Евгений.¹¹

Уже 23 октября 1775 г. новый архиепископ прибыл в Полтаву. Вскоре владыка Евгений столкнулся с необходимостью принятия решения по раскольникам, коих в его епархии оказалось немало. Елисаветградское Духовное Правление представило ему на рассмотрение отношение Елисаветпольского настоятеля, иерея Димитрия Смолодовича, от 29 января 1777 г., что “поселился де в здешней крепости святых Елисаветы городе в его приходе раскольники выстроили скопища своего, в противность Высочайшим указам, огромную часовню, превышающим благолепным строением всех здешних городских церквей, со взнесением на оную крестов, на позорище всему городу, с немалым притом числом колоколов, которыми почти во всю ночь, а наипаче как в первом часу с полночи, прежде соборного и всех городских церквей благовесту, по пустому звоня, вродили в простом народе мнение о своем пустосвятстве и лицемерном благоговении, и при оной своей часовне скрывают беглецов попов и монахов, кои попы, как сами собою, так и чрез своих единомышленников, кредитом денег и другими доверенными а ухищрениями прельщают простой народ и от церкви Божией принимают в часовне, что уже и самим делом довольно оказалось; и тем самым дерзостно подвергают де себе и нас Божиему суду и строгости Высочайшим Указам”.¹² Для того о. Смолодович просил духовное правление “беглых попов и лжеучителей переловить, а часовню до дальнейшего рассмотрения запечатать”. При этом правление от себя доносило, что оно ещё в 1775 г. испрашивало у провинциальной и губернской канцелярии содействия к “искоренению и переловлению при означенной часовне находящихся беглых попов и монахов”, но что светской властью ничего не было сделано.¹³

Владыка немедленно отправил представление Святейшему Синоду, а тот, в свою очередь, с соответствующим указом обратился к графу Г. А. Потёмкину, что “помянутая часовня в самой крепости св. Елисаветы раскольниками построена не токмо в противность св. правил и запретительных указов, но снабдение той часовни немалым числом колоколов служит наиболее к православному церковному предосуждению, – что же касается укрывательства при оной часовне беглых попов и монахов, то об оных учинено бь было строжайшее кому надлежит подтверждение, дабы такие беглецы принимаемы и укрываемы не были”. Дело закончилось тем, что Полтавская губернская канцелярия “преморию” высказала мнение, что раскольники Новороссийские не подходят под силу действующих указов, что поселяемые в Елисаветградской провинции раскольники, как добровольные выходцы из Польши и Молдавии, “считаются со всеми древними подданными наравне, пользуясь всеми определенными тамошним жителям вольностями не исключая и свободного их религий отправления. Почему-де от времени до времени даже и поныне раскольников поселение добровольными выходцами и умножается; а ежели де токмо ими уведоимо будет таковое о них со стороны духовной власти требование, то сочтут уже за притеснение в отправляемых религии и не токмо добровольный выход может пресечься, но и возвратившиеся из-за границы по Высочайшим манифестам и уже поселенные тамо раскольники, ища свободы своей религии, по состоянию тамошней провинции близь польской границы, паки туда удаляться будут”.¹⁴

Более успешно действовал преосвященный против раскола мерами духовными. Поручая вышеупомянутому протоиерею Смолодовичу, “как учительному и искусному”, “раскольников к церкви Божией увещевать и присоединять”, преосвященный вместе с тем обратился письменно с вопросом к Гавриилу, архиепископу Новгородскому: “как поступить в принятии обращающихся из разных толков раскольнических к Церкви?” Преосвященный Гавриил отвечал, что следует поступать по чиноположению, напечатанному при увещании раскольников. Тогда Евгений написал 30 мая 1777 г. такое письмо о. Смолодовичу:

“Честный иерей Димитрий! Любезный нам о Христе брат!

Вы сумнение забирали о обращающихся из расколу поповщины к православной церкви о мире, откуда они оное получают. Мы сим вам предписываем в принятии их поступать по чиноположению, напечатанному при увещании раскольников. Римляне не лучше раскольников, но церковь наша не повторяет при принятии их тайны миропомазания. Впрочем как раскольники тщательно хранят обряды, то и сомнения нет, что они из России или Валахии и

Греции миро получают. Между тем явился к нам Алексей Рогачев (Елисаветградский купец, обратившийся из раскола в православие в Москве 1777 г. января 7 дня), объявил нам о вашей честности и старании, а сие много нас обрадовало; и в разсуждении сего уважая вас, препоручаем вам единственно обращение раскольников”. Надежды преосвященного и труды о. Смолодовича не пропали даром: с 1777 г. по 1779 г. о. Смолодовичем было присоединено к церкви православной до 100 душ раскольников.¹⁵

Но число прибывавших раскольников стремительно увеличивалось: “Массы их из Малороссии, Володины, Польши и Литвы селились около крепости Святой Елисаветы и от р. Синюхи к Днепру”. В конце 1770-х – начале 1780-х гг. раскольники переселились на Левый берег Днепра в районе Большой Знаменки.¹⁶

Уроки своего предшественника учёл следующий архиепископ Никифор Феотоки. Сначала он продолжает политику обращения отдельных раскольников в православие, знакомится со всей литературой, посвященной вопросу, с изданиями “Стоглавого собора”. 25 марта 1780 г. он обращается к старообрядцам с “Окружным посланием ко всем именующим себя староверами в Славянской и Херсонской епархии обитающим” с призывом к возвращению в “недра” православной церкви. Немного погодя он пишет послания к протоиереям Елисаветградскому и Бахмутскому. Этим оканчивается период увещаний и переубеждений раскольников в их неправоте. Архиепископ не видит достижения таким образом серьёзных, удовлетворительных для церкви и государства результатов.

Вероятно, в апреле – июне 1780 г. к владыке Никифору, продолжавшему искать пути разрешения проблемы, приходит новая идея “о частичном признании” права старообрядцев на богослужение по привычному для них способу при условии заключения ими своеобразной “унии”. Это бы позволило поставить их под жёсткий контроль со стороны РПЦ и государства. В развитие принятого решения архиепископ в июле того же года прибыл в Елисаветград, где вместе с протоиереем Димитрием (Смолодовичем) посетил раскольническую часовню города, имел беседы с её прихожанами, обещал содействовать преобразованию часовни в церковь и появлению своих священников. Такие же беседы он провёл и в других местах. С трудом, но ему начали верить.¹⁷

Его успехи отметили и самые непримиримые старообрядцы. На это указывает письмо одного из Елисаветградских раскольников от 16 июля 1780 г., обнаруженное и впоследствии опубликованное: “1780 года 16 июля из Елисаветграда писал ко мне племянник за известие тако: здесь к нам приехал архиепископ Славянский и Херсонский Никифор и был у нас в часовне, уговаривал много людей часовенных под свое благословение и дабы им быть под его паствою обнадеживал их, что он дозволит из той часовни церковь – освятить и как пожелают из своих поставит им священника, по-старопечатным книгам и служить дозволит и всякия христианския требы отправлять тому священнику по старообрядчеству. – И такая речи от имени Его Преосвященства говорил Елисаветградский священник Димитрий троекратно, точно все молчали, а на третьем возглашении из среди подали голос, что они не желают.

И сего же июля месяца он Архиепископ Никифор приехал в слободу Знаменку и похитил тамошних многих жителей, ибо они от него приняли священника и освятит им церковь”.¹⁸

Закрепляя успех юридически, в феврале 1781 г. он особой грамотой разрешил раскольникам, принимающим единоверие, устроить в с. Знаменке свою церковь и отправлять там своё богослужение. В Богородицкую церковь была освящена раскольничья деревянная часовня 1776 г. постройки.

Движение единоверия оказалось настолько популярным, что кроме поповцев стали обращаться и обычно непримиримые беспоповцы (слобода Злынка). Граф Г. А. Потёмкин поддержал усилия церкви, и в результате в единоверие переходили уже сотнями домов и целыми сёлами, просили себе законного священства. В 1782 г. жители с. Злынки писали о себе архиепископу, что “они вышли в Россию из Польской области, и были все отторжены от Святой Церкви зловредным учением раскольничьим. Но узнав свое заблуждение, просят святейшего благословения, присоединившимся к Святой Церкви, и вместе с тем, взамен имеющейся в Злынке часовни, соорудить Божий храм во имя Рождества Богородицы. Во исполнение сего желания и по силе благословенной грамоты, церковь в Злынке, марта 12 дня заложена, а 1784 г. Сентября 7 дня освящена”.¹⁹ В Новороссию потянулись старообрядцы из других районов России, в том числе из Стародубья.

Так в 1780 – 1781 гг. в пределах нынешней Кировоградщины возникло движение среди старообрядцев, известное под наименованием “единоверчество”, автором которого стал архиепископ Никифор (Феотоки) Славянский и Херсонский (1779 – 1786). Первый акт рождения можно с уверенностью отнести к февралю 1781 г., когда появился первый официальный документ, подписанный самим архиепископом.

С этим событием по времени совпало и другое, связанное с именем инок Никодима. После раскола, происшедшего в дьяконовском течении на “Перемазанском соборе” в Москве (ноябрь 1779 – январь 1780), старообрядческие лидеры Стародубья: священноинок Михаил Калмык и инок Никодим, – вынуждены были искать новый нетрадиционный выход из создавшейся ситуации. Их поддержали старообрядцы самого Стародубья и близкой к ним “Ветки”. Узнав о появлении и распространении единоверчества в 1780 – 1781 гг., ознакомившись с особенностями и возможностями движения, “старообрядческий монах Никодим.., с согласия Стародубской братии.. начал своё ходатайство о возстановлении в старообрядчестве законного священства”. Он обращался к властям региона, пока не встретился с генерал-губернатором Малороссии, главой Малороссийской коллегии, генерал-фельдмаршалом П. А. Румянцевым. “По совету графа Румянцева-Задунайского, изложил, во всеподданнейшем прошении условия, на которых старообрядцы-поповцы соглашались воссоединиться с церковью (1783)”. Прошение к Екатерине II было поддержано более чем полутора тысячью староверов, подписавших документ, и передано в апреле 1783 г. в Свя-

тейший Синод.

Однако прошение представляет собою документ, развивающий идею Никифора на шаг или два далее, и содержит следующие условия:

- разрешение клятв прежних русских соборов на старые обряды;
- просьба о даровании своего хореепископа (то есть окружного, всероссийского);
- его зависимость только от Святейшего Синода;
- право хореепископа на поставление священников для старообрядцев;
- все богослужения он совершает по старому, до-никониановскому чиноположению;
- святым миром их должен снабжать Святейший Синод;
- всей пастве этого хореепископа должно быть дано право не брить бород и не носить немецкого платья.²⁰

Просьбы старообрядцев сводились к созданию, при содействии правительства, некоей старообрядческой трёхчинной церкви, автономной в составе РПЦ, и общающейся с последней через своего окружного епископа. Со своей стороны, они признавали спасительными и законными (в христианском смысле) государство, царя и официальную церковь (РПЦ) во главе со Святейшим Синодом и всем епископатом, за которых теперь обязывались молиться и с которыми вступали в общение, а также обязывались выполнять все законы, включая службу в армии, как и прочие православные подданные. Таким образом, это был вариант унии старообрядческого поповского направления с РПЦ.

Но государство оказалось не готовым к диалогу на таких условиях. Власти не могли допустить полного оформления старообрядческой церкви. Именно поэтому старообрядцы не могли получить и не получили ни общероссийского хореепископа, ни региональных архиереев, ни даже викариев (Г. А. Потёмкин пообещал им решить вопрос о епископе в дальнейшем). Но и священников единоверцы могли иметь не из своих, а только из православных, которые совершали богослужение и исполняли обряды по до-никониановскому чиноположению. И в проблеме снятия “клятв” на обряды староверов было принято половинчатое решение: они не то чтобы снимались официально для всех, а лишь для тех, кто вступал в единоверие. То есть предполагалось весьма аморфное и дисперсное по структуре образование из несообщающихся между собой отдельных приходов, подчинённых местным архиереям, что скорее соответствовало практике владыки Никифора. Несомненно, он продолжал принимать участие в данном вопросе.²¹

Однако игра правительства была слегка спутана появлением нового лидера Стародубья – Иоасафа, имевшего высший среди старообрядцев и вполне законно полученный сан архимандрита. Жизнь получила и идея собственного старообрядческого монастыря. Это давало возможность на признанное законом существование двух чинов в церкви: дьяконовского и иерейского, монашества и на образование собственного интеллектуального центра поповщины. Если государству приходилось с этим смириться, то тогда монастырь можно было разрешить лишь на окраине, подальше от старообрядческих районов: Стародубья, Ветки, Иргиза, Керженца, – то есть на вновь осваиваемых землях Новороссии.

Решение поэтому затянулось более чем на два года. К тому времени уже умерли поп Михаил Калмык, затем иннок Никодим (1784+). И только 26 августа 1785 г. императрицей был подписан весьма компромиссный для обеих сторон проект Высочайшего Указа. На следующий день, 27 августа, он был объявлен графом Г. Потёмкиным депутации московских, стародубских и елисаветградских старообрядцев. Согласно воле правительства и завещанию Никодима, во главе признавался архимандрит Иоасаф, давалось право на строительство своего монастыря и отводились земли в Новороссии для него и для всех старообрядцев, желающих поселиться там и открыто, в согласованном порядке, исповедовать свой вариант православия. Правительство впервые приостановило конфликт, официально признало право на существование старообрядчества и его право на образование своей церкви, хотя и в таком урезанном виде. Старообрядчество, наконец, открыто признавало государство и церковь и, прекратив конфликт, вступало с ними в официальное сотрудничество. Общество с изумлением увидело новые реалии. Таковым был второй этап единоверчества.

Монах Иоасаф. О нём известно, что он был из однодворцев Новгород-Северского наместничества, в которое тогда входило Стародубье. Родился в 1743 г. в великороссийской семье. Выросши в староверческой среде, он решил посвятить себя иноческому служению и предпринял путешествие по святым местам. Много лет прожил на Святой горе (Афоне). В 1781 г. Святогорским епископом Герасимом был рукоположен во иеромонаха Симоно-Петрской обители. Позже в Иерусалиме Антиохийский патриарх Даниил за усердие и труды возвёл его в сан архимандрита и послал в путешествие для сбора пожертвований. Иоасаф через Польшу в 1784 г. прибыл в Россию и остановился в Никодимовой пустыни. Он остался верен старообрядчеству и к тому же оказался единственным обладателем законным образом приобретенного наивысшего среди старообрядцев церковного сана. Это обстоятельство, а также его интеллектуальные способности и близость к Санкт-Петербургскому митрополиту Гавриилу способствовали утверждению его главой вновь создаваемого единоверческого монастыря и самого единоверчества.²²

В 1787 г. по распоряжению графа Г. А. Потёмкина было начато строительство монастыря в урочище Карай-Дубина, расположенном в Таврической области, на Левом берегу Днепра, близ селения Большая Знаменка, на речке Белозерке, в 7 верстах от её устья. Вызванного в Санкт-Петербург Иоасафа утвердили в сане архимандрита и

предназначали быть Строителем и Настоятелем новоустроваемого единоверческого монастыря. Снабдили святым Миром и святыми Дарами и первому из священнослужителей разрешили православное священнодействие между старообрядцами по старопечатным книгам. Тогда, возвратившись назад, первый единоверческий архимандрит вошёл с прошением к Преосвященному Таврическому Амвросию Серебренникову (1786–1792), чтобы он разрешил “на отведенном для монастыря и церкви пристойном месте вновь во имя Пресвятыя Богородицы Корсунския деревянную на первый случай церковь построить, також и для жительства монашествующих на келлии дал свое архиастырское благословение”. Благоприятный ответ архиепископа на архимандрита с братиею последовал 31 декабря 1787 г. Но это, как оказалось, было не всё.²³

По основании Корсунской обители, архимандрит Иоасаф должен был завершить оформление своего присоединения к грекороссийской церкви, разрешения священнослужения и окончательного определения Настоятелем в этот монастырь. Он вновь обратился к владыке Амвросию, тот в Святейший Синод и т.д.. И только 18 октября 1791 г. указом из Екатеринославской Духовной Консистории (последней инстанции) Иоасаф был, наконец, утверждён в должности Настоятеля, а монахи Дорофей и Серапион – иеромонахом и иеродиаконном монастыря. Данное событие отражало признание правительством старообрядчества, с правом на официальное существование в последнем двухчинной церкви, хотя и с условием заключения унии с государственной православной церковью.

Первая церковь в честь Корсунской иконы Божией Матери была построена из дерева и освящена в 1790 г.. Но в 1792 г. она сгорела. Вместо неё, три года спустя, в 1795 г. была построена новая церковь в честь Корсунской иконы Божией Матери с приделом во имя Святого Иоанна Златоустого, а бывшая в монастыре часовня обращена и освящена в церковь во имя Святого Николая Чудотворца.

В то же время, учитывая возникшие неудобства (отсутствие леса для отопления и дальнейе расстояние от берега Днепра), а также предписание Г. А. Потёмкина о праве братии монастыря самой избрать себе удобное место, архимандрит Иоасаф обратился с просьбой о перенесении монастыря южнее и на самый берег Днепра. В 1796 г. братия исследовала местности вниз по Днепру. Искомое место было найдено только в 20-ти верстах от г. Берислава, в даче “урочища Флорова”, на р. Конке. Дача эта располагалась на Левом берегу Днепра, граничила с р. Каменицей (Каменкой) и дачами полковника Д. М. Куликовского, помещика с. Каховки, и казённого селения Казачьи-Лагери.

По представлению Екатеринославского и Таврического генерал – губернатора П. К. Зубова, 5 апреля 1796 г. состоялось Высочайшее повеление о переводе монастыря на новое место и о снабжении его, как и на старом месте, 3000 десятин из числа пустопорожней земли. А 30 октября 1796 г. уже была получена грамота от владыки Гавриила Банулеско-Бодони, митрополита Екатеринославского и Таврического (1793–1799), с архиерейским благословением на перемещение Корсунской обители в новоизбранное место и на постройку там храма во имя Святителя Николая Чудотворца.

Дача в урочище Фролова, в коей “значилось земли удобной 3000 десятин и неудобной 2447 десятин и 775 квадратных сажений, каковая вся, вместе с планом и межевыми книгами, и была надлежащим образом передана во владение монастыря указом Таврического Областного Правления от 14 марта 1797 года”. После переселения братии на новое место, 9 октября, на старом, к юго-западу от села, впоследствии осталось лишь каменное возвышение вместо бывшего престола на одном из уступов Мамаевой горы. А местность около неё так и продолжала называться “Чернеча”.²⁴

На новом месте сначала была возведена деревянная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, а вскоре был построен и в 1802 г. освящён небольшой тёплый храм в честь Святого Димитрия Солунского. Недалеко от него было закончено строительство большого соборного храма монастыря с пятью куполами в честь Корсунской иконы Богородицы. Освящение произошло по благословию архиепископа Херсонского и Таврического Афанасия и было совершено самим архимандритом Иоасафом 30 мая 1803 г. Одновременно с соборным храмом был устроен и трапезный в честь Святого Преподобного Исповедника Михаила, епископа Синадского, но освящён на следующий, 1804-й год. Возможно, был ещё один храм во имя Святого Иоанна Златоустого. Монастырь был обнесён каменной оградой, а по углам ограды устроены четыре каменные башни. Ещё одна располагалась над воротами.

В 1808 г. архимандрит отправился в Москву на сбор пожертвований для монастыря, но заболел и умер 25 сентября в возрасте 65 лет. Погребён на тамошнем единоверческом кладбище.²⁵

За свою жизнь он успел освятить 11 единоверческих церквей. О них есть следующие сведения: в селении Большая Знаменка была освящена деревянная церковь во имя Знамени Пресвятыя Богородицы (впервые построенная как часовня ещё в 1780 г.); в слободе Троицкое, Одесского уезда, населенной 40 семействами из Архангельска, – каменная церковь во имя Пресвятой Троицы (1785); в г. Одессе – каменная, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы (1799). “Построена иждивением прихожан, старанием же священника Феодора Карасева, который произведен во священника к сей церкви ещё за два года до ея постройки, именно в 1797 г.”. В г. Елисаветграде – деревянная, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы (1787). “О сей церкви писал кн. Потёмкин архиепископу Амвросию: “Преосвященнейший владыко, милостивый государь и архиастыр. Ваше высокопреосвященство благословя здешних старообрядцев на построение церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, снабдить их изволили на то и грамотою. Но как храм сей долженствует быть во имя Преображения Господня, в знак особенного их преобразования: помянутую грамоту при сем препровождая, покорнейше прошу пожаловать другую с наименованием уже храма Преображения Господа нашего и прислать оную ко мне, пребывающему с истинным к вам почтением и пре-

данностию. Вашего высокопреосвященства, милостивого государя и архипастыря покорнейший слуга князь Потёмкин-Таврический. Генваря 29-го дня 1778 (1788 – А. Б.) года. Елисаветград”.²⁶

В г. Херсоне освящена деревянная Богородицкая церковь. Впрочем, дату её основания относят к 1818 г. А также архимандритом освящены церкви в городах Кременчуге и Александрии. Возможно, он освятил церкви в селениях: в Малой Знаменке – Николаевскую (деревянную) и в Привольном – Покровскую. О последней Гавриил писал: “В 1793 г. она преобразована из раскольничьей часовни”. Располагалась она на правом берегу р. Ингул. В г. Тирасполе – Покровскую, каменную церковь. “Переселившиеся из разных мест в город Тирасполь единоверцы, так как часовенной секты раскольники не допускали их молиться в своей часовне, в 1798 году в Декабре месяце и испросили дозволения у преосвященного Гавриила, митрополита Новороссийского и Днепровского, построить им деревянную на каменном фундаменте во имя Покрова Пресвятой Богородицы церковь. Вследствие того последовал указ из Новороссийской Духовной Консистории от 10 декабря того же 1798 года в Тираспольское Духовное Правление к сведению, что прописанную церковь строить просителям дозволено и о заложении ее послан Артемию Телятникову, бывшему в селении Троицком священником, таковой же указ, каковыя церковь и выстроена потом на подобие жилаго дома, покрытаго камышем, которая еще существовала до 1816 года”.²⁷

В Кременчуге известна церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, построенная старообрядческими купцами и мещанами, освященная по благословию Преосвященного Екатеринославского митрополита Гавриила в 1794 г.

Новым игуменом Корсунского монастыря стал Кирилл I, о котором известно весьма немного. Родился он в 1747 г.. По одним сведениям, он происходил из купцов г. Солигалича, но, по архивным данным, он значился российским жителем местечка Чернобыль, тяготеющего к Ветковскому старообрядческому центру.²⁸ В декабре 1792 г. Кирилл был уже монахом Корсунского монастыря. Митрополит Екатеринославский и Херсонский Гавриил 1 мая 1794 г. рукоположил его во иеродиакона, а 20 декабря 1797 г. – во иеромонаха того же Корсунского монастыря. Уже к началу 1806 г. иеромонах Кирилл по чести следовал сразу после архимандрита Иоасафа и считался преемником на посту главы обители.

Кирилл I был очень рачительным хозяином. У монастыря были многочисленные хозяйственные постройки, сады, огороды, виноградники, рощи, соляные озёра, лес с лозняком, а также право на беспрепятственный лов рыбы в Днепре и право на сбор пожертвований, чем весьма активно пользовались монахи. Новых церквей в самом монастыре построено не было, между тем увеличилось число самой братии, послушников и работников.

В 1811 г. единоверцы, приписанные к монастырю, проживали в Таврической губернии в городах: Севастополе, Перекопе, Алешках и Кинбурнской крепости; в казённых селениях: Большой Знаменке, Малой Знаменке, Днепровке и Маячке, в Больших Копанях, Збурьевке и в помещицьем селении Каховке.²⁹ Причём можно предположить, что в селениях единоверцы проживали постоянно, а в городах скорее находились как купцы по разным торговым делам. В Севастополе их пребывание могло быть связано как с несением воинской службы, так и с оседанием здесь купцов и мещан. Но центром единоверчества в губернии оставалось селение Большая Знаменка; там же было основано и особое единоверческое Большезнаменское благочиние в составе архиепархии. Кирилл I был благочинным и основал несколько новых единоверческих приходов, в том числе – в посаде Ново-Георгиевск.

Архимандрит Кирилл I умер на 79-м году жизни, 6 сентября 1826 г.. Он был похоронен в соборной церкви, за алтарём.

Некоторое время исполняющим обязанности, видимо, был казначей монастыря, иеромонах Тихон. А с 12.01.1830 г. его произвели во игумена.³⁰ В миру – Тимофей Иноземцов, родился в 1758 г.. Мещанин г. Терешпола (Тирасполя). Жена от сильного пожара сгорела. “До вступления в монашество вступил в сей монастырь в 1819 г., пострижен архимандритом Кирилою по указу №5011 Консистории ноября 7 дня 1824, а в настоящий чин (иеромонаха) произведен 1826 октября 20, во игумена произведён 12 генваря 1830 г. Преосвященным Гавриилом, а до того послушание проводил в титорской и казначейской должности”. В этот период братия отчётливо осознала неудобство окраинного положения в стране, удалённость от центров старообрядчества и самого государства (Москвы и Санкт-Петербурга). Для решения этой проблемы братия, во главе с казначеем, обратилась через Действительного Тайного Советника князя Юсупова с прошением на Высочайшее имя о возможности приобретения пустующего места в Подмосковье, называемого Измайловским Дворцом, и последующего туда переселения. Как сообщил 20 июля 1831 г., за № 403, князь П. М. Волконский, министр внутренних дел России, Государь Император (Николай I) “не изъявил Высочайшего соизволения”.³¹ Таким образом, монастырь остался вне событий, происходивших в то время в старообрядчестве, и окончательно утратил какую-либо ведущую или центральную роль в поповском движении.

Личные заслуги Тихона на религиозном поприще были высоко отмечены возведением в сан архимандрита 28 февраля 1837 г. Но вскоре произошло хищение из монастыря 42 тысяч рублей ассигнациями экономических сумм. Разразился страшный скандал, приведший архимандрита к смерти от расстройства 26 сентября 1840 г.. Похоронен он там же, где и Кирилл I, за алтарём.³²

В монастырской жизни накопился целый ряд негативных моментов.

Пока началось и разворачивалось расследование, 6 октября 1840 г. Игуменом Корсунского монастыря стал казначей, иеромонах Иона. Казначеем стал иеромонах Иоасаф.

Иона (Иван Панкеев). Родился около 1798 г.. Поселянин селения Большая Знаменка. “До вступления в монаше-

ство вступил в сей монастырь в 1820 по своему желанию. Пострижен архимандритом Кирилою по указу Консistorии от 06.02.1823 г. за №276. В настоящий чин (монаха) произведён марта 3 дня 1828 указанию Консistorии за №645, а вместо послушания исполнял Должность Головщика, а 1831 марта 20 был отряжен по указу Консistorии во второклассный Бизюков монастырь Управляющим и находился в оном по 1832 марта по 31 (дня) с 1834 годом. Находящийся в сем монастыре казначеем 7 лет исправно и рачительно, а ныне находящийся управляющим Корсунского монастыря. Обучен грамоте в сельской школе”. С 06.10.1840 г. предписанием Высокопреосвященства №2851 и указом Херсонской Духовной Консistorии №7898 от 13.11.1840 г. определён Управляющим Корсунским монастырем. Указом Святейшего Правительствующего Синода №8483 от 17.06.1842 г. и Херсонской Духовной Консistorии №4214 от 23.07.1842 г. утверждён Настоятелем со званием Строителя Корсунского монастыря.³³

Иеромонах Иоасаф (Илья Рыльский) ранее был стихарным дьячком в селении Большая Знаменка. Овдовев, в 1832 г. вступил в монастырь послушником, а в 1835 г. был принят монахом. В 1836 г. назначен иеродиаконном, в 1843 г. – иеромонахом. Он исполнял должность казначая, но был отрешен по предписанию Его Высокопреосвященства Гавриила, №36 от 3 февраля 1847 г. Он обвинялся преступником Арсением Некрасовым, оговорившим брата в хищениях, в составлении неизвестному человеку фальшивого билета и в сокрытии на стороне монастырских вещей. За это по указу Херсонской Духовной Консistorии за №1793 от 18 марта 1847 г. ему было запрещено священнодействие, рукоблагословление, ношение рясы и камилавки. А ведь ещё недавно он считался одним из многих “верных”.

Вместе с ним пострадал и Настоятель Иона. “Святейшим Правительствующим Синодом 20.09.1846 г. отрешён от должности за №292 за соблазнительное поведение, к послушанию маловерен”, а 18.03.1847 г. на него наложено “запрещение священнодействия и рукоблагословления и ношения рясы и камилавки”. “Иеромонах Иона за удалением от должности Строителя по указанию Святейшего Правительствующего Синода состоит ныне под следствием и судом по оговору преступником Арсением Некрасовым в участии будто бы при составлении им в монастыре неизвестному человеку фальшивого билета и за сокрытие им на стороне монастырских вещей”. “По предписанию Его Высокопреосвященства...от 26.08.1847 за №3854 17 декабря того же года отправлен под надзор в Одесский Успенский монастырь”. Там же он и скончался.³⁴

Неурядицы, бывшие в монастыре, всё всплывали. 22 сентября 1847 г. иеромонах Даниил (одесский мещанин Демьян Бондарев) “за плотское грехопадение с крестьянкою помещика Ульянова женщиною Пелагеею Лоткиною, лишен Епископским Начальством иеромонашеского сана, и отправлен в Херсонское Губернское Правление на его распоряжение, о чем Указом Херсонской Духовной Консistorии №6665 от 23.09.1847 г. сему монастырю дано знать”.³⁵

Ряд монахов и даже иеромонахов самовольно покидали монастырь. Но самым вопиющим событием в монастырской жизни стало пребывание в нём иеродиакона Павла. Дворянин Пётр Проценко из г. Козельца Черниговской губернии родился в 1808 г. в семье губернского секретаря Фёдора Проценко. Женат не был. В 24 года он решился уйти послушником в Корсунский монастырь и принят согласно Указу Екатеринославской Духовной Консistorии №2055 от 18 марта 1832 г.. В 1835 г. был перемещён в Самарский загородный Архиерейский Дом послушником, а 2 ноября 1838 г. переведён в Херсонский Архиерейский Дом. В 1839 г., 10 апреля, он, по указанию Святейшего Правительствующего Синода, был пострижен в монахи, а 30 апреля того же года рукоположен во иеродиакона. “Высокопреосвященнейшим Гавриилом Архиепископом Херсонским и Таврическим и Кавалером, того же года, указом №8928 от 14 ноября определён в сей монастырь. Читает и поет хорошо”. Но к этому моменту он, видимо, стал расслабляться, что привело к нарушениям церковной дисциплины и, соответственно, взысканиям.³⁶

По указу №4923 от 11 июля 1840 г. “за служение 12 июня в нетрезвом виде литургии был под следствием и судом в запрещении священнослужения, ношения камилавки”. Прощён по указу №898 от 12 февраля 1842 г.. За это время его характеризовали следующим образом: “Поведения посредственного. Под запрещением” (1840); “Поведения хорошаго. Обучался грамоте и писать при своем родителе” (1841); “Поведения посредственного” (1842). Второй раз за очередной проступок 5 августа 1843 г. предписанием высокопреосвященнейшего Архиепископа Гавриила за №2164 ему снова было запрещено священнослужение с ношением рясы и камилавки и с употреблением в поварне. Теперь его характеристика звучала таким образом: “Чтению и пению способен, к послушанию неверен, – катехизис не знает. Поведения худого. Находился и находится под запрещением за неблагоприятные поступки и грубости” (1843). К службе был разрешен только 21 июля 1844 г. указом №4136.

Вскоре опять за нарушение монастырской жизни иеродиакон Павел, по предписанию Гавриила за №2525 от 7 июня 1845 г., “послан был в Бизюков Григорьевский монастырь с запрещением священнослужения”. А 3 февраля 1846 г. предписанием архиепископа за №51 вытребован в Архиерейский Дом и 10 марта выслан в Островский монастырь Сибирской епархии. Возвращён был только 23 сентября 1847 г. в Корсунский монастырь с рекомендательным свидетельством иеромонаха Израиля, Строителя Островского монастыря, о трезвом и хорошем поведении. Здесь, на старом месте, теперь тоже отмечали: “и ныне ведет себя трезво и хорошо” (на 01.01.1848).

Но уже через полгода он снова совершает негативные поступки. 17 марта 1848 г. по предписанию Гавриила, “за нанесение им в азартном виде управлявшему сим Корсунским монастырем иеромонаху Кирилу (II) грубости штрафован был 300-ми земных поклонов в трапезе при всей братии”. Наконец, “за обиды, причиненныя им собрату своему иеродиакону Силуану”, согласно указу Херсонской Духовной Консistorии №6720 от 31 июня 1848 г. и ре-

зюляции нового владыки Иннокентия Борисова, предписано было лишение его ряс и камилавки с употреблением в черные труды. И хотя его имя указано в ведомости от 1 декабря 1848 г. с отметкой о продолжающемся наказании, но в дальнейшем иеродиакон Павел более не встречается в штате монастыря.

Нельзя обойти вниманием и вышеупомянутого иеродиакона Силуана. Родившийся около 1802 г. мещанин г. Перекопа Евтихий (Евсихий) был сыном Куприяна Тимофеева, вышедшего из Молдавии. В училищах не обучался, женат не был. В своё время он решил уйти в монастырь. Указом Екатеринославской Духовной Консistorии №2482 от 30 марта 1840 г. был определён в число послушников при клиросном в Корсунской обители, а указом от 4 июня 1841 г. за №3540 пострижен в монашество. Очень быстро, 19 октября 1843 г., брат Силуан рукоположен владыкой Гавриилом во иеродиакона и определён на правом клиросе к должности уставщика. И вдруг на имя владыки от него поступает “безымянный донос” на Строителя Иону и казначея Иоасафа, за что 4 июня 1845 г. был вызван в Архирейский Дом на архипастырское испытание предписанием №2525. Тогда был охарактеризован следующим образом: “Поведения хорошаго. Читает и поет хорошо”. Но впоследствии о нём писали: “К чтению и пению способен. К послушанию неверен. Поведения посредственнаго. Под судом не был, а требован был на питиему” (1846). В дальнейшем из списков монастыря он исчезает, возможно, из-за доноса, а может быть, после выражения к нему отношения иеродиакон Павлом.³⁷

Таким образом, начиная с 1837 г., в результате ряда негативных проступков членов братии и даже выявленных преступлений в Архирейском Доме и в Святейшем Синоде складывается весьма отрицательное мнение о положении дел в Корсунском монастыре. Это совпало с общим наступлением правительства на раскольников и старообрядчество при Николае I, императоре России. Видимо, тогда возникло решение о проверке на лояльность всей братии и даже послушников, а затем и о замене всех подозрительных или виновных на православных из других мест. По ведомостям 1846 г. “верными” оказались лишь четверо из братии в 28 человек (часть отсутствовала): иеромонах Иоасаф, иеродиакон Иннокентий, монахи Вассиан и Андроник и несколько послушников. Но даже иеромонах Иоасаф был вскоре отстранён от должности и несения службы. Тогда, возможно и возникла идея о преобразовании единоверческого монастыря в православный.³⁸

Для закрытия первого в России единоверческого монастыря необходимы были серьёзные основания. Первым поводом явилось обнаружение хищения денег на сумму 44 тысяч рублей ассигнациями в 1837 г.. Казначеем в то время был иеромонах Иона (Панкеев). Его-то и ставят, по смерти архимандрита Тихона, Управляющим монастырём, а затем и Строителем. Теперь должность казначея стал исполнять его близкий друг, тоже из селения Большая Знаменка, иеромонах Иоасаф. Иеродиакон Силуан, имевший тесное общение с узкой частью братии, составляет донос на игумена и казначея уже в начале 1845 г.. Затем появляется дело “преступника Арсения Некрасова”, который будто бы в 1846 г. оговорил всё тех же игумена и казначея, а также иеромонаха Димитрия Глазунова. Именно Димитрия ставят во главе монастыря взамен прещенного Ионы. Одновременно в обители работает комиссия по факту выявленных нарушений. Святейшим Синодом была проведена ревизия через ректора Екатеринославской семинарии, архимандрита Иону (позднее – епископа Екатеринбургского). Накопленный материал давал возможность не только сменить состав всей братии, но и преобразовать монастырь в православный.

Уже архимандрит Иона (Панкеев) считал, что монастырь отличался от православных обителей лишь наличием старопечатных книг, особенностями напевов и формой иноческих камилавок. Отсюда проистекало и крайнее охлаждение. Среди богомольцев и самой братии абсолютно преобладали православные, а единоверцев было очень немного, они теперь посещали другие центры старообрядчества.³⁹

Игумена Иону сменил иеромонах Димитрий (Даниил Иванович Глазунов). Димитрий, мещанин из Москвы, родился в 1797 г.. В монастыре с 1831 г., а в монашестве с 1835 г. В 1836 г. был определён иеродиакон, а с 1841 г. – иеромонахом Корсунского монастыря. 20.09.1846 г. указом Святейшего Синода за №292 вместо Ионы утверждён в должности Строителя, а 27.12.1846 г. – в должности Направляющего Корсунского монастыря. 14.12.1847 г. отрешён от должности по слабости здоровья (согласно прошению). Состоял под следствием по оговору преступником Арсением Некрасовым в участии будто бы при составлении им в монастыре неизвестному человеку фальшивого билета. Но на 01.12.1848 г. в качестве иеромонаха Корсунского монастыря он продолжал свою деятельность и находился в очередном священнослужении.⁴⁰

Между тем, ещё при “заболевшем” Димитрии в монастыре появился новый глава – архимандрит Иосиф. Назначенный в начале 1847 г. временно Управляющим Корсунским монастырём, Иосиф был командирован сюда Святейшим Синодом из Высоковского Ярославского монастыря. Однако полного порядка здесь навести не удалось. В конце 1847 г. он был переведен Настоятелем Покровского единоверческого монастыря в Черниговской епархии.

Новым игуменом стал Кирилл II. Кирилл (Кондрат Кривоузов) прибыл из Полтавской губернии. С 25.09.1846 г. назначен благочинным Корсунского Единоверческого монастыря. 13.04-14.05.1847 г. – депутат по делу Корсунского монастыря. С 14.12.1847 г. – управляющий Корсунским монастырём. Около 18.08.1848 г. отрешён от должности, а затем переведен на покой в Херсонский Бизюков монастырь.⁴¹

Камнем преткновения в деятельности игумена стала всё та же финансовая деятельность монастыря. К 1 января 1848 г. монастырь имел 4000 руб., лежащих на счету в Одесской конторе Государственного Коммерческого Банка, и 1346 руб. 11 и $\frac{3}{4}$ коп. в оперативном пользовании. Через месяц, к 1 февраля, в оперативном пользовании была почти такая же сумма, – 1248 руб. 33 и $\frac{3}{4}$ коп. Аналогичная сумма, 1202 руб. 44 и $\frac{3}{4}$ коп., находилась и к 1 марта.

Разница между расходом и приходом была небольшой и постепенно сокращалась в январе и феврале (310 руб. – 212 руб., 189 руб. – 143 руб.). Данные отчёты поступили к владыке Гавриилу, а 15 марта он наложил следующую резолюцию: “Смотрено и приобщить к подобным, приказав, из экономических денег отдать в банк 1000 руб. – ежели особливо надобности в наличности не предвидится”.⁴²

Вот тут вдруг резко возросли расходы братии: за пищу, “порцию одежды”, обувь, шитье, мытье, освещение и прочее, – в 12,8 раза по сравнению с мартом; за предметы по экономии – в 34,2 раза. В результате осталось 599 руб. 75 и $\frac{3}{4}$ коп. Эта растрата оказалась настолько демонстративной, что архиепископ отказался давать какое-либо заключение, оставив резолюцию: “Представляем рассмотрению грядущаго”. Весной 1848 г. архиепископа Гавриила сменил владыка Иннокентий Борисов. Он не преминул заменить Кирилла II иеромонахом Доримедонтом.

Доримедонт. Родился в 1805 г. Из духовенства Черниговской губернии. 17.06.1848 г. принят в братство Корсунского монастыря. 18.08.1848 г. определён Наместником и произведен во Игумена Корсунского монастыря Высокопреосвященнейшим Иннокентием Борисовым, Архиепископом Херсонским и Таврическим, и награждён папщею.

Работа нового игумена не прошла даром. Братия монастыря обратилась с прошением к высокопреосвященнейшему с просьбой об уравнении положения Корсунского второклассного единоверческого монастыря с остальными православными первоклассными. Сам Иннокентий в донесении Святейшему Синоду писал о том, что “нужна достойная братия из единоверцев, а ея давно уже нет и взять неоткуда. Единоверцами монастырь не посещается, а православные могут входить в соблазн от существующей в нем разности в пении и в обычаях церковных, свойственных единоверию”. В заключение предложил учредить штат, подчинить монастырь под непосредственный “главный надзор епархиального начальства с правом пастырского благоснисхождения в обрядовых разностях, к остающейся в монастыре части единоверческой братии”.⁴³

В 1848 г. монастырь был преобразован в православный и первоклассный, но без денежного оклада, и предоставлен в непосредственное управление архиепископу с правом иметь ему там своего наместника. Игумен Доримедонт и оказался первым наместником. Вероятно, он был переведен в другое место к 26.06.1850 г. Его сменил Николай с Бизюкова Григорьевского монастыря. Возможно с 26.06.1850 г. по 27.04.1854 г. являлся Игуменом и Наместником Корсунского монастыря. Новым стал Митрофан. По указу Херсонской Духовной Консисории №3280 он с 27.04.1854 г. Наместник Корсунского монастыря. С 1857 г. – архимандрит(?).⁴⁴

Таким образом, учреждение и полувековая деятельность единоверческого Корсунского монастыря в Таврической области знаменовали собой победу II этапа в становлении единоверчества, в частности, и взаимное признание на высшем уровне государства и церкви, с одной стороны, и всего старообрядчества, – с другой. Наиболее важными моментами были: документальное оформление в 1785 г., учреждение в 1787 – 1797 г. г., его функционирование в первые 35 – 40 лет.

В единоверческом течении наблюдается и третий, заключительный этап его формирования.

Отток старообрядческого населения в Таврическую область серьёзно обеспокоил руководителей губерний и округов. Жалобы старообрядцев о том, что их удерживают, например, власти Новгород-Северского наместничества, указаны в письме Г. А. Потёмкина к И. Б. Бибикову от 25 июня 1787 г.⁴⁵ Это являлось большим сдерживающим фактором при переходе старообрядцев различных течений в прогосударственное единоверчество. Другим фактором оказалась удалённость нового центра единоверчества, Корсунского монастыря, как от центров государства (Санкт – Петербург и Москва), так и от центров традиционного старообрядчества (Ветка, Стародубье, Иргиз, Керженец, Рогожское кладбище и Преображенское кладбище в Москве, Поморье, устье Дуная, Елисаветград). Политика государства, направленная на подчинение единоверческих приходов отдельным архиереям России, привела к возникновению сепаратистских и регионалистских тенденций в течении. И это было третьим фактором, умалявшим роль Корсунского монастыря. К тому же в 1791 г. умер всесильный граф Г. А. Потёмкин, покровитель этого единоверческого монастыря.

В 1799 г. небольшая часть московских старообрядцев обратилась к московскому митрополиту Платону с прошением о дозволении им иметь свои храмы и своих священников от новообрядческой церкви. Ещё ранее митрополит Платон уже принимал участие в развитии идеи архиепископа Никифора в 1780-е годы. На территории его митрополии, в Москве, находились весьма влиятельные старообрядческие центры: Рогожское кладбище поповцев и Преображенское – беспоповцев. Платон был близок к императорам России и состоял в Святейшем Синоде. Сама идея была опробована на практике в течение 20 лет, и митрополит взялся за составление документа, окончательно оформлявшего новое прогосударственное течение в старообрядчестве, получившее, с его “лёгкой руки”, наименование “единоверие”.

Проект владыки Платона был рассмотрен императором Павлом I и 27 октября 1800 г. подписан. Среди прочего сохранилось упорное нежелание дать старообрядцам епископов и право на существование единого центра единоверчества.⁴⁶

На этом период рождения и становления единоверческого старообрядческого движения закончился. Документ Платона – Павла показал, что дальнейших коренных изменений, каких-либо уступок со стороны государства, царя и РПЦ не будет, как не будет и старообрядческой трёхчинной и единой церкви. Это осознали и старообрядцы России. Не случайно поповцы вновь начинают поиски возможностей образования своей церкви, но за пределами свое-

го государства. Через 40 лет ими будет создана своя единая и трёхчинная “Белокриницкая” церковь.

На первых порах единоверчество было значительным выходом для огромной массы старообрядцев, живших в России и за её пределами. Политика жесточайшей конфронтации и “худого мира” сменилась возможностью сотрудничества и терпимого сожительства. Поэтому в единоверчество переходили сотни и тысячи поповцев и беспоповцев. Во времена правления императора Николая I многие скиты, церкви и часовни были принудительно переданы единоверцам, создавались условия, при которых старообрядцы, продолжавшие придерживаться своих согласий или толков, были вынуждены переходить в единоверие. При этом правительство решительно рассматривало единоверчество как вариант государственного православия, а потому и статистика движения намеренно не вычленялась в отдельную графу. Официально единоверцы записывались в общем числе православных, что затрудняет исследование этого согласия.⁴⁷

Так, в Таврической губернии было выделено специальное единоверческое Большезнаменское благочиние. Но в ведомостях губернии о количестве верующих единоверцы даются в общем числе православных. Почти невозможно выделить и местности, в которых проживали единоверцы, хотя губерния и была длительное время центром единоверчества. Существующая эпизодическая статистика настолько неточная, что можно встретить серьёзные разночтения за один период.

20 мая 1865 г. протоиерей Григорий Брюховский, Благочинный церковей (Таврическая Духовная Консистория), сообщил в канцелярию Таврического генерал-губернатора о том, что в губернии единоверцы проживают в селении Большая Знаменка Мелитопольского уезда. Там их насчитывалось 3353 души мужского пола и 3467 – женского, а всего – 6820 человек. Они имели (свой) православный храм и трёх (своих) православных священников. Согласно о. Михаилу Родионову, протоиерею кафедральной церкви Таврической епархии, на 1871 г. в с. Большая Знаменка Мелитопольского уезда действовало 2 единоверческих прихода: “Во имя Знамения Пресвятыя Богородицы” и “Во имя Святого Благоверного Великого Князя Александра-Невского”. Здесь находилось две одноимённых единоверческих церкви. В этой же книге, при описании отдельных поселений, мы выясняем, что в селении Большая Знаменка при церкви во имя Знамения Пресвятыя Богородицы состоит единоверцев 3928 м. п. и 4095 ж. п., то есть уже – 8023 человека. За 6 лет количество единоверцев увеличилось на 1203 человека, что похоже на результат миграционных процессов. Рядом в селе Малая Знаменка (бывшая Каменка) был ещё один приход с церковью (1794) во имя Святителя Николая Чудотворца (переосвящена в 1846 г.). Здесь насчитывалось 2005 м. п. и 2061 ж. п. единоверцев. Всего в двух сёлах получается 12089 единоверцев. И это не считая жителей единоверческих селений Днепровка и Водяное. Кроме того, много единоверцев проживало рассеянно по всей территории Таврической губернии.⁴⁸ Но в материалах, присланных в Священный Синод в конце 1870-х гг., указаны две одноимённые (Б. Знаменки) единоверческие церкви, в которых служило 4 священника. Всего в этих приходах было около 10 тысяч верующих, что явно не соответствует ранее приведённым данным о. Михаила.⁴⁹

В 1886 г. Гермоген, епископ Таврический и Симферопольский, утверждал, что единоверцев в губернии 10469 человек.⁵⁰ Вероятно, здесь, как и в предыдущем тезисе, отражено только число верующих в приходах с. Большая Знаменка. Это как будто подтверждается теми данными, что только в сёлах Большая Знаменка и Малая Знаменка Мелитопольского уезда в 1889 г. их было уже 12997 человек.⁵¹ То есть на 908 человек больше, чем в 1871 г.

В докладе о. Александра Сердобольского, Таврического епархиального миссионера, прозвучало, что в 1893 г. (к 01.01.1894) в особом единоверческом Большезнаменском благочинническом округе, включающем селения Большую Знаменку, Малую Знаменку, Водяное, Днепровку и другие местности, находится до 15 тысяч единоверцев.⁵² Под другими местностями мы вправе предположить селения: Каховку, Збурьевку, Большие Копани, а также города: Севастополь, Перекоп, Алешки, – указанные ранее. Например, в Севастополе позже известен был даже приход с единоверческим протоиереем, которым в 1915 – 1917 гг. был военный священник (капеллан?) о. Иаков (Яков Николаевич Никулин).⁵³ Видимо, они были и в других городах, например, – в Керчи. Так, среди нижних чинов и унтер-офицеров Керченской крепостной артиллерии служило 14 единоверцев, а в 57-м Резервном пехотном батальоне – ещё трое. В том же докладе о. Александра было представлено и число остальных старообрядцев, проживающих в губернии – 2089 человек обоего пола. Как мы видим, отношение единоверцев ко всем остальным старообрядцам составляло 7:1.

В соседней Херсонской епархии было три единоверческих благочиннических округа Новороссийского военного поселения во главе с протоиереем Арсением Жежеленковым, иереем Петром Панкеевым (в 1860 г. он же священник центральной единоверческой церкви в с. Большая Знаменка) и протоиереем Александром Силиным. Всего было 20 церковей, из них – 7 деревянных, остальные – каменные. При них 17 священников (и 2 уволены за штат), 4 протоиерея, 9 диаконов, 11 причетников (и 1 уволен за штат). Но отсутствуют данные по количеству исповедующих единоверие за тот же 1856 г.⁵⁴

Чаяния единоверцев, которых правительство упорно считало православными, на образование своей церкви не утратили своей актуальности и в начале XX столетия. Только после начавшейся революции собор РПЦ в 1918 г. принял решение дать единоверцам третий высший церковный архиерейский чин, но в статусе “викариев”. Таков был последний компромисс официальной церкви со старообрядцами. Викарные архиереи, в свою очередь, также подчинялись епархиальным архиереям, как до этого делали благочинные и отдельные приходские священники. То есть сохранялся подход на дисперсное подчинение и исключение оснований для создания своей единой, автоном-

ной в РПЦ единоверческой церкви.⁵⁵

Большезнаменское единоверческое благочиние вошло в состав Мстерской епархии (Владимирская губерния). Епископом Мстерским был избран и рукоположен Амбросий (Андрей Иванович Сосновцев) около 1918 – 1921 гг.; известен до второго полугодия 1927 г. Управление осуществлялось посредством Церковного Совета и епископа. Во главе благочиния находился протоиерей Георгий (Стефанов Жаринов). В 1920-е годы известно три прихода: 1. Большезнаменская Богородичная община при храме в честь Знамения Пресвятыя Богородицы. Председателем её был Корягин Калистрат Назариев. В причте: священник Иоанн Дуров, диакон Семен Иванович Проценко, псаломщик, он же церковный староста, – Яков Евдокимович Девочкин. Община насчитывала 3145 человек великоросов. 2. Александро – Невская община при храме во имя Святого Благоверного Великого Князя Александра-Невского. Священником был Иустин Васильевич Силин, переизбранный 8 октября 1926 г. на иеромонаха Савву (Савелий Андреевич Матяш). Последний был из козаков, родом из Майгоры, 60 лет от роду. В общине состояло 1308 человек от 18 лет. 3. Ильинская община, при храме во имя Святого Пророка Илии. Образовалась община в 1904 г. одновременно с освящением храма. Тогда, при основании, насчитывалось 2000 человек. К 1925 г. осталось – 1960 (от 18 лет). Священником был о. Иван Семенович Акимов, 36 лет. С ним ещё один диакон. Всего в общинах состояло 6413 человек от 18 лет (март 1925 г.). Из них численно преобладало крестьянство – 6101 человек, были рабочие – 86, торговцы – 58, служащие – 43, кустари и ремесленники – 102, интеллигенты – 80 человек. Возможно, в последнюю графу следует отнести: “священник” – 1 и “прочие” – 5.⁵⁶ Сегодня в с. Большая Знаменка и в п.г.т. Каменка (Малая Знаменка) потомки прежних жителей не имеют никакого представления как о самом единоверчестве, так и о старообрядчестве в целом. Там живут люди, относящие себя либо к верным РПЦ, либо к атеистам.

В конце 1920-х и в 1930-е гг. правительство развернуло тотальное наступление на все религиозные течения, были закрыты большинство церквей и упразднены многие религиозные общины. Очень быстро само единоверчество, служившее связующим звеном с РПЦ и государством, потеряло свою актуальность, и последователи этого согласия ушли в состав Белокриницкой старообрядческой церкви или слились с остальными православными, их церкви были закрыты, а молодое поколение в большей части получило атеистическое воспитание. После заседаний Синода РПЦ в 1929 и 1969 гг., решений Архиерейского собора от 28 мая 1971 г. и Поместного собора РПЦ от 2 июня 1971 г., снявших анафемы и клятвы XVII и XVIII веков, возрождение единоверчества вообще потеряло смысл.⁵⁷ О своей принадлежности к единоверцам ныне заявляют очень немногие люди, среди которых известен академик Д. Лихачёв.

Таким образом, как нам представляется, единоверие явилось отражением желания большей части старообрядцев, с одной стороны, и государства – с другой, прекратить столетнюю конфронтацию и найти компромисс для нормального сосуществования. Автором прогосударственного подхода оказался владыка Никифор Феотоки, архиепископ Славянский и Херсонский. В апреле – июле 1780 г. он выдвинул идею о заключении унии старообрядцев с РПЦ. В феврале 1781 г. появился первый юридический документ, относящийся к рождению единоверчества. Позже эту идею развивали священноиноки Михаил Калмык, инок Никодим, архимандрит Иоасаф, князь П. А. Румянцев, граф Г. А. Потёмкин, митрополит Платон, императоры Екатерина II и Павел I. Указы 1785 и 1800 гг. впервые официально признали старообрядчество и его право на церковь. Старообрядцы надеялись на образование своей единой, автономной в составе РПЦ, трёхчинной церкви с центром в г. Москве. Но государство не решилось на дальнейшее развитие сотрудничества, и единоверчество со временем перестало быть актуальным, а затем и вовсе прекратило существование. Опираясь на уже достигнутое, старообрядцы были вынуждены искать альтернативу. В 1840-х годах такой альтернативой стала Белокриницкая иерархия (ныне РПСЦ или Русская Православная Старообрядческая Церковь).

Список сокращений:

1. ГААРК – Государственный Архив Автономной Республики Крым
2. ГАОО – Государственный Архив Одесской Области
3. ДАЗО – Державний Архів Запорізької Облaсті
4. ДАКО – Державний Архів Кіровоградської Облaсті
5. ДАПО – Державний Архів Полтавської Облaсті
6. ЗООИД – Записки одесского общества истории и древностей
7. Инв. – Инвентарный
8. ИТУАК – Известия таврической ученой архивной комиссии
9. МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии
10. О. – отец (свящ.)
11. ПЕВ – Полтавские Епархиальные Ведомости
12. ППБЭС – Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь
13. ТЕВ – Таврические Епархиальные Ведомости
14. ЦГАК – Центральный Государственный Архив Крыма
15. ЦГВИА – Центральный Государственный Военно-Исторический Архив

¹ Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии в конце XVIII – начале XX в. // МАИЭТ. – Симферополь. – 1996. –

- Вып.5. – С.201; Иванов В. О поселении раскольников в пределах нынешней Таврической губернии // ИТУАК. – 1889. – №7. – С.70.
- ² Бельский А. В. Старообрядцы и архиепархия юга Украины в XVIII – XX веках // Культура народов Причерноморья. – Симферополь. – 1997. – №2. – С.112; Корсунский первоклассный мужской монастырь Таврической епархии. – Симферополь. – 1897. – С.6-8; Шлеев С. Единоверие // Христианство. Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993. – Т. I. – С.524.
- ³ История старообрядческой церкви. Краткий очерк // Библиотека журнала "Церковь". – М.: изд. "Церковь", 1991. – С.27.
- ⁴ Единоверие // ППБЭС. – СПб: изд. П. П. Сойкина (1913). – репринт. – М. – 1992. – Т. I. – С.842.
- ⁵ ДАКО. инв. №6640. История мест і сіл Української РСР. Кіровоградська область. – К.: Інститут Історії АН УРСР, Головна редакція Української Радянської Енциклопедії АН УРСР. – 1972. – С.14.
- ⁶ С. I. Шевченко. Етнічна карта України // Етнографія Кіровоградщини. На допомогу вчителів. Вип. I. – Кіровоград. – 1993. – С.8, 9; Гавриил (Розанов), архиепископ Херсонский и Таврический. Хронологико – историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической // ЗООИД. – Одесса. – 1848. – т.2. – С.181-182; ДАКО. инв. №6640. История мест і сіл... – С.245, 324-325, 361-362, 365, 366, 403, 677, 724.
- ⁷ ДАКО. инв. №6640. История мест і сіл... – С.14.
- ⁸ ДАКО, инв. № 1906, Пашутин А. Н. Исторический очерк Елисаветграда. – Елисаветград: Лито – типография Бр. Шполянских, 1897. – С.3,5,12; О. I. Кротов. Старообрядничество на Кіровоградщині. Справка №114. – Кіровоград: Кіровоградський обласний краєзнавчий музей, 05.11.1998. – л.3.
- ⁹ ДАКО, инв. №1906, Пашутин А. Н. – С.27.
- ¹⁰ ДАКО, инв. №1906, Пашутин А. Н. – С.8; Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославская и Херсонская губерния) в XVIII – первой половине XIX века (1719 – 1858). – М.: Наука, 1976. – С.103-105.
- ¹¹ ДАПО. Скворцов В. Евгений Булгарис, первый Архиепископ Славянский и Херсонский: биографический очерк // ПЕВ. – Полтава. – 1877. – №22. – С.961-996 и №24. – С.1118-1121.
- ¹² ДАПО. Скворцов В. Евгений Булгарис... – 1877. – №22. – С.986 – 989.
- ¹³ ДАПО. Скворцов В. Евгений Булгарис... – 1877. – №22. – С.986 – 989.
- ¹⁴ ДАПО. Скворцов В. Евгений Булгарис... – 1877. – №22. – С.986 – 989.
- ¹⁵ ДАПО. Скворцов В. Евгений Булгарис... – 1877. – №22. – С.986 – 989.
- ¹⁶ Родионов, о. Михаил. Статистико – хронологико – историческое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор: составил кафедральный протоиерей Михайла Родионов. – Симферополь: Типография Спири, 1872. – С.141.
- ¹⁷ ДАПО. Скворцов В. Никифор Феотоки, второй Архиепископ Славянский и Херсонский, впоследствии Астраханский и Ставропольский: биографический очерк // ПЕВ. – Полтава. – 1878. – №6. – С.290 – 310 и №7 – С.341 – 351.
- ¹⁸ ДАКО, инв. №1906, Пашутин А. Н. – С.26 – 27.
- ¹⁹ Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический. – С.181-182.
- ²⁰ Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии... – С.201; Иванов В. О поселении раскольников... – С.70; Бельский А. В. Старообрядцы... – С.112; Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.6-8; Барсов Н. Единоверие // Брокгауз. – СПб. – 1994. – Т.22 – С.553; Храевич К. И. Перемазовщина // Христианство. – М. – 1995. – Т.2. – С.332-333.
- ²¹ Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.9; Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. – М.: Мысль, 1979. – С.10; Барсов Н. Единоверие... – С.554.
- ²² Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.7.
- ²³ Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии... – С.201; Иванов В. О поселении раскольников... – С.70; Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.9-12; ГААРК, ф.118, о.1, д.5385, л.1.
- ²⁴ Родионов. Указ. Соч. – С.221-224; Корсунский первоклассный мужской монастырь Таврической епархии. – Симферополь. – 1897. – С.12-14. Доп.ист. Сухарев М.В. Землевладение и промыслы Корсунского таврического монастыря в конце XVIII-XIX в. // Культура Народов Причерноморья. – Симферополь. – 1998. – №5. – С.108.
- ²⁵ о. Михаил Родионов... – С.221-224; Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.24, 29; Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический... – С.199.
- ²⁶ ДАКО, ф.18, о.1, д.8, л.4; Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.32; Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический... – С.152, 163, 179, 182, 189-190, 199.
- ²⁷ Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический... – С.180, 190-192, 202; Иванов В. О поселении раскольников... – С.75-76; Афанасий Щекатов. Кременчуг // Словарь географической Российской империи, описывающий азбучным порядком геологически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически всю губернию, города и их уезды; крепости, форпосты, редуты и прочая. Часть 3. – М., – 1804.
- ²⁸ Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.29; ГААРК, ф.118, о.1, д.5385, л.1-2 об.; Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический... – С.195.
- ²⁹ ГААРК, ф.135, о.1, д.1, л.61. Сухарев М. В. Землевладение и промыслы Корсунского таврического монастыря в конце XVIII-XIX в. // Культура Народов Причерноморья. – Симферополь. – 1998. – №5. – С.108.
- ³⁰ Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.29; ГААРК, ф.26, о.4, д.383, л.2.
- ³¹ ГААРК, ф.26, о.4, д.383, л.1-2.
- ³² Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.29.
- ³³ ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.2-4, 64, 81-83, 128, 195-196, 198.
- ³⁴ Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.30; ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.173, 195-196.
- ³⁵ ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.210.
- ³⁶ ГААРК, ф.118, о.1, д.5385, л.26-28, 29-31, 34 (бежали); ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.64-65, 83, 149, 199-201, 211-235.
- ³⁷ ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.86-87, 128-129, 200.

-
- ³⁸ ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.173-182.
- ³⁹ Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии... – С.202; Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.30, 32.
- ⁴⁰ ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.2-4, 82-83, 173-175, 197, 212-214.
- ⁴¹ Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.29-30; ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.201-202.
- ⁴² ГААРК, ф.118, о.1, д.5771, л.1-6.
- ⁴³ Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.15-16; ГААРК, ф.118, о.1, д.5703, л.211-212, 321, 485.
- ⁴⁴ Бельский А. В. Указ. Соч. – С.112; Корсунский первоклассный мужской монастырь... – С.30-32.
- ⁴⁵ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775 – 1800 г. – М.: изд. АН СССР, Институт истории АН СССР, 1959. – С.124 (ЦГВИА, ф.52, о.1, д.461, ч.2, л.174 “Письмо Г. А. Потёмкина”).
- ⁴⁶ Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии... – С.201; История старообрядческой церкви... – С.27.
- ⁴⁷ История старообрядческой церкви... – С.23, 28; Миловидов В. Ф. – С.39-40.
- ⁴⁸ ГААРК, ф. 26, о. 4, д. 2131, л. 4-5(об.); о. Михаил Родионов. Статистико... – С.124, 134–135, 141, 159.
- ⁴⁹ Катунин Ю. А. Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX в.). Симферополь. – 1995. – С.32 (ЦГАК, ф.118, о.1, д.1599а, л.69-77).
- ⁵⁰ Гермоген, епископ Таврический. Справочная книга о приходах и храмах Таврической епархии. Гермоген, епископ Таврический (ныне Псковский). – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1886. – С.108; Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский. Справочная книга о приходах и храмах Таврической епархии. – Псков. – 1887. – С.413.
- ⁵¹ Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии...- С.207 (ТЕВ. – Симферополь. – 1889. – №21, 22, 23. – С.955).
- ⁵² о. Александр Сердобольский. Наименование сект и число сектантов и раскольников в Таврической епархии // ТЕВ. – Симферополь. – 1894. – №30. – С.831; Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии... – С.201, 207.
- ⁵³ ГААРК, ф.27, о.1, д.13050, л.1 об.; ф.27, о.1, д.13351, л.3 об., 5-5 об.; ф.286, о.1, д.13, л.105, 112; о. Александр Сердобольский. Наименование сект и число сектантов и раскольников в Таврической епархии // ТЕВ. – Симферополь. – 1894. -№30. – С.830; о. Александр Сердобольский. Раскольниковство и сектантство в Таврической епархии // ТЕВ. – Симферополь. – 1892. – №9. – С.390.
- ⁵⁴ ГАОО, ф.37, о.1, д.1782, л.80, 81, 94, 95, 99, 100; ДАЗО, ф.246, о.1, д.188, л.1-2.
- ⁵⁵ История старообрядческой церкви... – С.27.
- ⁵⁶ ДАЗО, ф.р-316, о.3, д.103, л.1-4, 57; ф.р-316, о.3, д.142, л.2, 19; ф.р-316, о.3, д.116, л.1-4; История старообрядческой церкви... – С.28.
- ⁵⁷ Миловидов В. Ф... – С.10.